

Помощник Сунь стоял рядом с Пэй Чаном, ожидая указаний.

— Привести менеджера Пэй? — тихо спросил он.

Пэй Чан, не сводя взгляда с разложенных перед ним улик, промолчал.

Когда выяснилось, что посылку прислал его двоюродный дядя, менеджер Пэй, сомнений не осталось: за его спиной стоял Старейшина Пэй.

Старик всегда действовал напролом ради своих целей, и расплачиваться за его амбиции раз за разом приходилось внуку. Он упорно вколачивал в Пэй Чана одну-единственную истину: хочешь быть безжалостным — умеешь терять. Умеешь терпеть боль, непосильную для простых смертных, и выжигать в себе любые чувства, способные стать уязвимостью.

Кончики пальцев Пэй Чана мелко, судорожно дрожали, но лицо оставалось ледяной, неподвижной маской. Каждый прошлый урок деда оставил в его душе уродливые шрамы, и интуиция кричала: цена, которую придётся заплатить в этот раз, окажется непомерно высокой.

Пэй Чан вовремя оборвал поток мыслей, не посмев заглядывать дальше. С трудом подавив бурю в груди, он глухо произнёс:

— Сделайте вид, будто ничего не произошло. Ждите, пока не доставят всё до конца.

— Слушаюсь, — отозвался помощник Сунь.

Пэй Чан немного постоял у порога, собираясь с силами, прежде чем толкнуть дверь чердака.

Едва створка закрылась за его спиной, сильные руки властно обхватили его за талию, прижимая к себе. Как бы Пэй Чан ни противился мысли, что начинает зависеть от чудовища, глупо было отрицать: натянутые до предела нервы наконец расслабились.

Глядя в пустоту остекленевшим взором, он достал сигарету и чиркнул зажигалкой. Но не успел затянуться, как тонкие бледные пальцы бесцеремонно вырвали её.

Эта мелочь пробила брешь в плотине, сдерживавшей копившееся весь день напряжение.

— Да что ты о себе возомнил?! — вспыхнул Пэй Чан.

Он с силой оттолкнул монстра, но сам не удержался на ногах и покачнулся, сделав пару шагов

назад.

За последнее время он заметно осунулся, лицо приобрело болезненную бледность, а под глазами залегли глубокие тени. Узел галстука был сбит набок, дорогой пиджак помялся. Пэй Чан тяжело, прерывисто дышал, его грудь вздымалась, точно у загнанного зверя — казалось, тронь его, и он взорвётся.

Существо не знало, какая беда стряслась с его гостем, но чутко улавливало его взвинченность и волнами исходящую от него тревогу.

Горький, едкий аромат тлеющего табака заполнил сырую комнату. Бросив сигарету на пол, монстр медленно, шаг за шагом двинулся к Пэй Чану. В бледном лунном свете его высокий, костлявый силуэт, напоминавший высохшее дерево, выглядел пугающе и гротескно.

Пэй Чан замер, не пытаясь бежать. Бессмысленно — его всё равно настигнут. С того самого дня, как он впервые переступил этот порог, Пэй Чан питал иллюзию, будто заполучил редкий трофей. На деле же он сам оказался добычей в чужом капкане.

Гнев и раздражение угасли, оставив после себя лишь выжигающую душу усталость. Он позволил увлечь себя, бессильно опустившись на колени монстра, и безучастно уставился в потолок.

— Гуайгуай, — тихо позвал он.

Это имя давно не слетало с его губ.

Обнимавшие его руки заметно вздрогнули. Пусть когда-то это была лишь кличка бездомного пса, за ней стояла настоящая крупница искренней нежности.

— Если бы ты и впрямь оставался всего лишь моим Гуайгуай... — едва слышный шепот растворился в полумраке.

Объятия существа стали крепче. Скрытая в этом тихом вздохе боль уколола его в самое сердце.

Пэй Чан не был дураком. Напротив, его разум отличался пугающей ясностью. И именно эта трезвость рассудка теперь терзала его сильнее любых пыток. Существовали вещи, к которым нельзя было прикасаться — даже мимолётная мысль о них отдавалась невыносимой, режущей болью.

Он опустил голову. Пальцы продолжали мелко дрожать. С трудом преодолевая внутреннее сопротивление, он протянул руку и медленно убрал с лица монстра пряди жёстких угольно-чёрных волос. Пальцы не слушались, подрагивая всё сильнее.

Пэй Чан сидел ссутулившись, словно на его плечи обрушилась неподъёмная тяжесть. Казалось, даже воздух в комнате застыл, лишая возможности дышать.

Вдруг холодные пальцы накрыли его ладонь. Волосы выскользнули из рук, оставив лишь гнетущую пустоту. От этого прикосновения Пэй Чан внутренне содрогнулся. Он резко отдернул руку, плотно сжав губы, и вскинул голову.

Перед ним было истощённое, пугающее лицо. На него в упор смотрели бездонные, лишённые зрачков чёрные глаза. В воцарившейся тишине Пэй Чан затаил дыхание.

Они молча смотрели друг на друга. В этой бездонной черноте Пэй Чан увидел собственное отражение — и замер, обнаружив в чужом взгляде точно такую же глубокую, бесцветную тоску. Она полоснула по живому, перехватив горло спазмом.

И всё же он упрямо держал лицо, сохраняя надменную, холодную мину. Он не догадывался, что в глазах своего безмолвного визави сейчас выглядел хрупким, точно надломленное стекло.

Как и ожидал Пэй Чан, посылки продолжали приходить в его кабинет с пугающей пунктуальностью. Внутри были всё те же листы с результатами лабораторных анализов.

Менялось лишь одно: показатели отторжения становились всё более критическими. Даже не будучи специалистом, Пэй Чан понимал, какая чудовищная, пограничная со смертью пытка скрывается за этими сухими цифрами. Это был ад на земле — жестокий, противоестественный и кровавый.

Особенно издевательски на этих бумагах смотрелся заголовок: «Эволюция человеческого тела».

Он давно знал, что Чэнь Сыцин безумна. Но даже представить не мог, насколько далеко простираются её маниакальные фантазии.

Пэй Чан убрал отчёт в ящик стола. Там уже лежали четыре таких же листа. Это был пятый день и пятый документ.

Всю неделю он хранил молчание. Всё так же подписывал бумаги, проводил совещания, посещал деловые встречи. Однако атмосфера вокруг него становилась всё тяжелее. С каждой новой посылкой гнев внутри него уплотнялся, готовый прорваться наружу. Каждый в компании видел, что генеральный директор взвинчен до предела — он напоминал натянутую тетиву, которая вот-вот лопнет. Предчувствие грядущей бури заставило притихнуть даже вечно недовольных акционеров, остальные же и вовсе старались держаться от его кабинета подальше.

Помощник Сунь осторожно доложил:

— Генеральный директор Пэй, менеджер Пэй сегодня отправился в больницу.

Даже не подняв головы, Пэй Чан бросил:

— Плевать на него. Пусть катится.

Вернувшись в поместье, Пэй Чан устало опустился в кресло.

— В ближайшие дни можете не приходить, — ровным голосом велел он дворецкому.

Дедушка-дворецкий почтительно поклонился:

— Слушаюсь.

Опустилась глубокая ночь. Пэй Чан долго сидел в пустом, погружённом в безмолвие холле, а затем медленно поднялся на чердак. Он не делал ничего — просто сидел в объятиях монстра, отрешённо глядя перед собой.

Ему отчаянно хотелось курить, но стоило чиркнуть зажигалкой, как чудовище упрямо забирало сигарету.

Сегодня Пэй Чан решил пойти на принцип. В знак молчаливого протеста он приготовил сразу две пачки. Монстр забирал одну сигарету — он тут же поджигал следующую. Забирал её — он тянулся за новой. Пол вокруг был усеян обломками и растоптанным табаком, но Пэй Чану так и не удалось сделать ни одной затяжки.

Когда из пальцев вырвали последнюю, он не выдержал и резко обернулся:

— Да когда ты уже уймёшься?!

Монстр лишь молча опустил взгляд и сдвинул тлеющий кончик сигареты длинными пальцами. А затем без лишних церемоний отобрал зажигалку и швырнул её в угол.

Вспыхнув от злости, Пэй Чан рванулся вперёд, намереваясь проучить наглеца и напомнить, кто здесь хозяин. Но его запястья тут же перехватили и завели за спину. Он вовремя вывернулся, наотмашь ударив по бледной руке, и зло усмехнулся:

— Опять твои дешёвые трюки?

Но едва слова сорвались с губ, в комнате повисла глухая, осязаемая тишина. Она больно резала слух. Ведь ответа он не дожждётся никогда.

Пэй Чан устало потёр переносицу и тихо, сдавленно рассмеялся.

— Блядь...

Перед уходом он немного выпил, и хмель, похоже, наконец ударил в голову.

Ледяная ладонь осторожно коснулась его щеки. Пальцы едва ощутимо скользнули по тёмным кругам под глазами.

Пэй Чан поднял взгляд, всматриваясь в чудовищное лицо, а затем бессильно закрыл глаза и прижался лбом к его груди. Это слабое, доверчивое прикосновение эхом отозвалось в груди монстра. Застывший до этого подобно каменному изваянию, он медленно протянул руки. Ему хотелось сжать Пэй Чана в объятиях, но, боясь причинить боль, он лишь бережно обхватил его за плечи, согревая своим холодом.

Это было самое чистое, искреннее объятие за всё время, что они провели вместе. И самое одинокое.

Посылки продолжали приходить одна за другой. Настоящая пытка неизвестностью — никто не знал, когда этот поток прекратится.

С каждым новым отчётом цифры становились всё более жуткими. В голове не укладывалось, как после столь варварских истязаний подопытный ухитрялся цепляться за жизнь. И каково это — день за днём наблюдать, как собственное тело мутирует, безвозвратно теряя человеческий облик.

Начиная с третьего дня Пэй Чан запретил помощникам прикасаться к бумагам. Никто, кроме него, не видел этих страшных записей. Все полученные документы он лично запирает в сейфе.

Этот кошмар длился ровно десять дней. На одиннадцатый день всё изменилось.

Стрелки часов приближались к десяти вечера. Окна небоскрёба корпорации Пэй гасли одно за другим, погружая здание во тьму, но курьер так и не появился.

Стало ясно: вчерашняя посылка была последней.

Пэй Чан сидел у себя в кабинете, тупо глядя перед собой.

— Можете идти, — бесцветным голосом бросил он.

Помощник Сунь переглянулся с ассистентом Цзинь. Оба послушно склонили головы:

— Доброй ночи, генеральный директор.

В огромном пустом кабинете Пэй Чан остался в полном одиночестве. Во всём небоскрёбе теперь горело лишь одно это окно.

Он открыл сейф и один за другим разложил на столе листы. Ровно десять отчётов. Десять дней.

Один лист за один год. Десять листов — десять лет.

Эксперимент, длившийся целое десятилетие. Десять лет систематических пыток, превративших живого человека в уродливое чудовище.

Десять лет. Не день, не два. Целая вечность. Вечность, сотканная из боли, криков и пролитой крови.

Глядя на пугающие колонки цифр, Пэй Чан закрыл лицо рукой. Из его груди вырвался глухой, надломленный смех:

— Твари... Чтоб вы все сдохли.

Сквозь дрожащие пальцы лился ледяной, мертвенный свет его глаз, похожих на застывшие глубины чёрного зимнего омута.

<http://bllate.org/book/20309/2132146>